

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

Карл Миллер

ФРАНЦУЗСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
И РОССИЯ В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II

История Отечества (Вече)

Карл Миллер

**Французская эмиграция и Россия
в царствование Екатерины II**

«ВЕЧЕ»

1931

УДК 63.3(4)

ББК 63.3(4)

Миллер К. К.

Французская эмиграция и Россия в царствование Екатерины II /
К. К. Миллер — «ВЕЧЕ», 1931 — (История Отечества (Вече))

ISBN 978-5-4484-5626-8

Перед вами уникальное в своем роде исследование, написанное и изданное незадолго до Второй мировой войны одним из представителей русской эмиграции. Вольно или невольно люди, бежавшие от революции 1917 г., сравнивали себя с эмигрантами, покинувшими родину вследствие другой революции — Великой французской. Читатель узнает об отношениях России и Франции перед революцией, о судьбах известных французских политиков и аристократов, о том, как относилась к ним Екатерина II, каково было их положение в России и как менялось отношение к эмигрантам на протяжении времени. Автор стремится оценить и их влияние на жизнь русского общества, на моды и предпочтения дворянства.

УДК 63.3(4)

ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-4484-5626-8

© Миллер К. К., 1931

© ВЕЧЕ, 1931

Содержание

К изданию 2025 г.	6
От автора	7
Введение	9
Глава I	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Карл Карлович Миллер Французская эмиграция и Россия в царствовании Екатерины II

* * *

© Ермаков С., подготовка текста, предисловие, 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

К изданию 2025 г.

Перед вами уникальное в своем роде исследование, написанное и изданное незадолго до Второй мировой войны одним из представителей русской эмиграции. Вольно или невольно люди, бежавшие от революции 1917 г., сравнивали себя с эмигрантами, покинувшими родину вследствие другой революции – Великой французской. Именно этим в значительной степени обусловлено внимание к теме, ставшей предметом интереса автора, о котором в целом до нас дошло не очень много сведений.

Карл Карлович Миллер (1874–1943) – не профессиональный историк. Выпускник Александровского лицея, служил по «статской» части, он был камер-юнкером, чиновником министерства торговли и промышленности. После революции жил в Париже, был членом правления лицейского объединения во Франции и членом-соревнователем объединения л. – гв. Преображенского полка. Умер 15 октября 1943 г.

Невзирая на «неакадемичность» подготовки автора, его труд вполне обстоятелен, он охватывает большое количество документов и исторических свидетельств, на основании которых К.К. Миллер постарался подробно осветить отношения между Россией и французской эмиграцией вообще. Он рассматривает, как возникла эмиграция, состав французской эмиграции и как эти люди жили и в России, и в других странах Европы. Особое внимание автор уделяет деятельности графа Луи де Сегюра, который был посланником при российском дворе, отношениям России и Франции до революции.

Читатель узнает о судьбах известных французских политиков и аристократов, о том, как относилась к ним Екатерина II, каково было их положение в России и как менялось отношение к эмигрантам на протяжении времени, познакомится с попытками создания коалиции европейских держав, целью которой было восстановление во Франции королевской власти силовыми методами. Автор стремится оценить также и влияние эмигрантов на жизнь русского общества, на моды и предпочтения дворянства.

Широта охваченных тем и обстоятельный подход автора делают книгу не только информативной, но и увлекательной, поскольку всякий читатель, интересующийся историей и влиянием Великой французской революции на судьбы России и всего мира, несомненно, найдет для себя в этом труде много интересного и полезного.

С. Ермаков

От автора

В годы изгнания, в годы вынужденной оторванности от родины мысль, обращаясь к прошлому, невольно останавливается с особым пристрастием на тех эпохах, которые представляют известное сходство с переживаемым нами историческим моментом. Именно это частичное сходство, пусть далеко не полное, пусть обманчивое, придает в наших глазах этим эпохам, когда другим народам пришлось переживать нечто подобное тому, что теперь выпало на нашу долю, какую-то особую, исключительную значительность и делает изучение их необычайно заманчивым. Наибольшей притягательной силой обладает в этом отношении, как самая к нам близкая по времени, история французской эмиграции конца XVIII века, о событиях которой их участники и наблюдатели оставили нам столько воспоминаний. Поддавшись соблазну, я стал изучать эти свидетельские показания, и в результате этих занятий постепенно назрела мысль о настоящей работе.

Конечно, для нас, русских эмигрантов, наибольший интерес представляет судьба той части французской эмиграции, которая направилась в Россию. Однако, по мере ближайшего ознакомления с этим предметом, передо мною стала выдвигаться и другая его сторона, заслуживающая, как мне кажется, не меньшего внимания, – стала все яснее вырисовываться громадная, временами преобладающая роль, принадлежавшая России, русской политике в истории всей французской эмиграции, в какие бы страны она ни направлялась. Поэтому мне захотелось осветить отношения между Россией и французской эмиграцией вообще, а не ограничиваться лишь описанием того, как жилось французским эмигрантам в России. При этом пришлось коснуться вопросов и о том, как возникла эмиграция, кто были эти эмигранты и как складывалась их жизнь в других странах Европы до тех пор, когда они впервые обратились за помощью к русской императрице, а с другой стороны, остановиться на том, какое впечатление произвело в России начало французской революции и какое, под влиянием этого впечатления, создалось там отношение к эмиграции. Все это составило содержание введения и первых двух глав настоящего очерка, на первый взгляд, быть может, не имеющих непосредственного касательства к теме, но, тем не менее, необходимых для правильного понимания дальнейшего хода событий. Таким образом, рамки работы несколько расширились, а соответственно этому изменилось и ее заглавие: «Французская эмиграция и Россия», а не «Французская эмиграция в России», как первоначально намечалось. Вместе с тем обширность темы заставила ограничиться в настоящее время пределами царствования Екатерины II.

Материалы по истории французской эмиграции имеются, как известно, в изобилии, в особенности французские, даже если иметь в виду только материалы, уже изданные и, следовательно, известные, хотя, быть может, отчасти и позабытые. История французской эмиграции послужила темой нескольких научных трудов на французском языке, но, насколько мне известно, ни на французском, ни на русском языке не существует исследования, специально посвященного всей совокупности взаимоотношений между Россией и французской эмиграцией и судьбам французских эмигрантов в России. Настоящий очерк является попыткой до некоторой степени заполнить этот пробел. При его составлении я, по условиям жизни за границей, принужден был прибегать преимущественно к иностранным источникам, но, по мере возможности, старался использовать также и русские материалы: воспоминания, письма, частью разбросанные в старых исторических журналах, а также и отдельные статьи и исследования, посвященные рассматриваемой эпохе. Разумеется, русские архивы были для меня, к сожалению, недоступны.

Есть, несомненно, известные общие черты, свойственные всякой политической эмиграции, но под поверхностным сходством скрывается глубокое внутреннее различие. История не повторяется и в бесконечном разнообразии своего течения не позволяет уложить себя в твер-

дые рамки математических формул, дающих раз навсегда определенные ответы, равно пригодные во всех одинаковых случаях. В историческом процессе именно одинаковых случаев и нет: предпосылки вечно меняются, и ответ, извлеченный из данных одной эпохи, оказывается уже не применимым к другой. Поэтому проводить какие-либо параллели между французской эмиграцией конца XVIII века и нынешней русской эмиграцией – дело, быть может, и соблазнительное, но, несомненно, крайне рискованное. Как состав эмиграции, так и в особенности вся политическая обстановка, вся духовная атмосфера слишком различны. Многие понятия совершенно переменились, даже слова имеют теперь иной смысл, иное значение. Такие понятия, как например, «нация» или «патриотизм», получили свое теперешнее содержание именно лишь во время и под влиянием революционных и Наполеоновских войн. Считаю своим долгом во всяком случае оговорить, что я лично имел в виду лишь беспристрастно рассказать о чужом прошлом, имеющем, бесспорно, кое-что общее с нашим настоящим; делать же какие-либо сопоставления между этими двумя эпохами, а тем более вносить в свое изложение какие-либо намеки на нынешние события, в мои намерения совершенно не входило: я писал исторический очерк, а отнюдь не политический памфлет.

Париж

Февраль 1931 г.

Введение

N'ai aucune inquietude sur mon compte; la Russie est l'endroit de la terre où les Français bien pensants sont le plus considérés et le plus en sûreté.

Из письма французского эмигранта графа Эстерхази к его жене, 27 апреля 1792 г.

В июле 1789 года, когда во Франции вспыхнула революция, французским посланником при русском дворе был граф Луи Филипп де Сегюр. Блестящий представитель французской знати, пользовавшийся большим успехом в версальских придворных кругах, изящный и остроумный, не лишенный литературного дарования, граф де Сегюр сумел не только приобрести выдающееся положение в петербургском обществе, но и снискать исключительное расположение императрицы. Петербург был его первым дипломатическим постом – до этого времени он служил в войсках. При назначении в Россию, в 1784 году, ему было всего лишь тридцать два года.

Сегюр принадлежал к той части французского дворянства, которая увлекалась передовыми, либеральными идеями и для которой новые тогда слова «равенство» и «свобода» заключали в себе особый, манящий, чарующий смысл. «Мы, молодое французское дворянство, – пишет он в своих записках, – весело шли вперед без сожаления о прошлом, без опасений о будущем, по цветочному ковру, скрывавшему от нас пропасть».

Не довольствуясь светскими развлечениями, молодой Сегюр усердно посещал литературные салоны, где собирались известные писатели, дружил с д'Аламбером и Лагарпом, с благоговением слушал Вольтера, бывавшего в доме у его родителей, и сам пробовал свои силы на литературном поприще.

Известно, какое воодушевление вызвала во Франции война за независимость английских колоний в Северной Америке. Маркиз Лафайет, виконт де Ноайль и граф де Сегюр были первыми из среды французской молодежи, вызвавшимися ехать добровольцами в Америку сражаться в рядах североамериканской армии. Однако одному лишь Лафайету, девятнадцатилетнему юноше, удалось тогда же, несмотря на запрещение семьи и противодействие двора, тайком выбраться из Франции и достигнуть Америки на снаряженном им самим корабле. Отец Сегюра, старый военный, отличившийся во время войн Людовика XV, – впоследствии он был назначен военным министром, а затем удостоился звания маршала, – решительно воспротивился отъезду сына. Лишь несколько лет спустя, после того как Франция признала независимость Соединенных Штатов и объявила войну Англии, молодой Сегюр смог осуществить свое намерение. Будучи назначен полковником Суассонского пехотного полка, действовавшего в Америке в составе отряда, находившегося под начальством знаменитого Рошамбо, он весной 1782 г. отплыл из Бреста вместе с целой группой молодых представителей французской аристократии, многим из которых суждено было играть видную роль в первые годы французской революции и затем во время эмиграции. Характерным для настроения этой молодежи является письмо, которое Сегюр написал своим родным при отъезде из Франции. «Произвольная власть меня тяготит, – пишет он, – свобода, за которую я буду сражаться, внушает мне живой энтузиазм, и я хотел бы, чтобы моя страна могла наслаждаться такой свободой, которая совместима с нашей монархией, нашим положением и нашими правами».

Граф Луи Филипп де Сегюр. Неизвестный художник

Когда Сегюр прибыл в Америку, участь войны, в сущности, была уже решена, и ему не пришлось принять участия в значительных военных действиях. Но все же год, проведенный среди народа, восставшего против угнетавшей его власти, где, по его словам, ему ежедневно приходилось наблюдать «скромную и спокойную гордость независимого человека, видящего над собою только закон и не знающего ни чванства, ни предрассудков, ни раболепства наших европейских обществ», произвел на него неизгладимое впечатление.

Вскоре по возвращении во Францию, осенью 1783 г., Сегюр, назначенный тем временем командиром драгунского полка, переименованного в драгунов Сегюра, получил знак отличия американского дружественного сообщества имени Цинцинната. Посылая эти ордена графу Рошамбо для раздачи французским офицерам, участникам Войны за независимость, Вашинг-

тон писал ему, что американские офицеры, в стремлении сохранить на долгие годы ту временную дружбу, которая между ними возникла за время пережитых ими общих опасностей и общих невзгод, решили, перед тем как разойтись по домам, объединиться в общество имени того римского героя, жизнь и деятельность которого должны служить им образцом. Таким образом, орден не был обычным знаком отличия, а знаменовал собой принадлежность к известному кругу единомышленников, связанных не только воспоминаниями о совместном участии в походах, но и некоторою общностью идей¹. Самый орден представлял собой золотого орла на голубой, окаймленной белым, ленте; на одной стороне был изображен Цинциннат, покидающий свое сельское уединение и вооружающийся, чтобы стать на защиту отечества в качестве диктатора, а на другой был виден тот же Цинциннат, снимающий свои доспехи и снова принимающийся за плуг. Как показатель для настроений и идей того времени самое создание подобного содружества и избрание в качестве его патрона не святого, не христианского мученика, как в большинстве феодальных орденов, а полупоэтического героя Римской республики!

¹ Общество Цинцинната было основано к концу войны американскими офицерами, желавшими таким образом сохранить общие воспоминания и дружественные связи участников войны; но, согласно их намерениям, это должно было быть нечто большее, чем простое дружеское сообщество; они придали ему также характер кассы помощи вдовам и сиротам, и, быть может, оно в сущности носило политический характер с республиканскими тенденциями (Maxime Leroy. «La vie du comte de Saint-Simon», Paris, 1925).

Орден Цинцината

«Подобный орден, – писал впоследствии Сегюр, – столь новый, столь республиканский, сверкая в столице великой монархии, мог навести на многие размышления, но, по-видимому, подобные мысли никому не приходили в голову. Одно из монархических правительств в Европе допустило в свою армию, без всяких опасений, знак отличия, знаменующий победу над королем»².

Молодой Сегюр ценил орден Цинцинната чуть ли не выше, чем королевский командорский крест Ордена Св. Лазаря Иерусалимского, который он получил немного спустя, причем обряд посвящения был произведен самим Великим магистром этого ордена, графом Прованским, будущим Людовиком XVIII, с соблюдением всего старинного рыцарского церемониала. Орел Цинцинната и крест Св. Лазаря... – соединение, характерное для самого молодого Сегюра и для других представителей этого поколения: передовые идеи, туманные мечты о свободе

² «Следует заметить, что король шведский Густав III запретил графу Стедингу и графу Ферзену носить орден Цинцинната, „как учрежденный в память успеха восстания подданных против своего законного государя, – восстания, причина коего столь несправедлива и так неосновательна“». Письмо Густава III графу Стедингу от 26 марта 1784 года (Memoires posthumes du Feld-Marechal Comte de Stedingk. Paris, 1844).

и справедливости, с одной стороны, и старые феодальные традиции, все наследие старой придворной культуры, с другой!

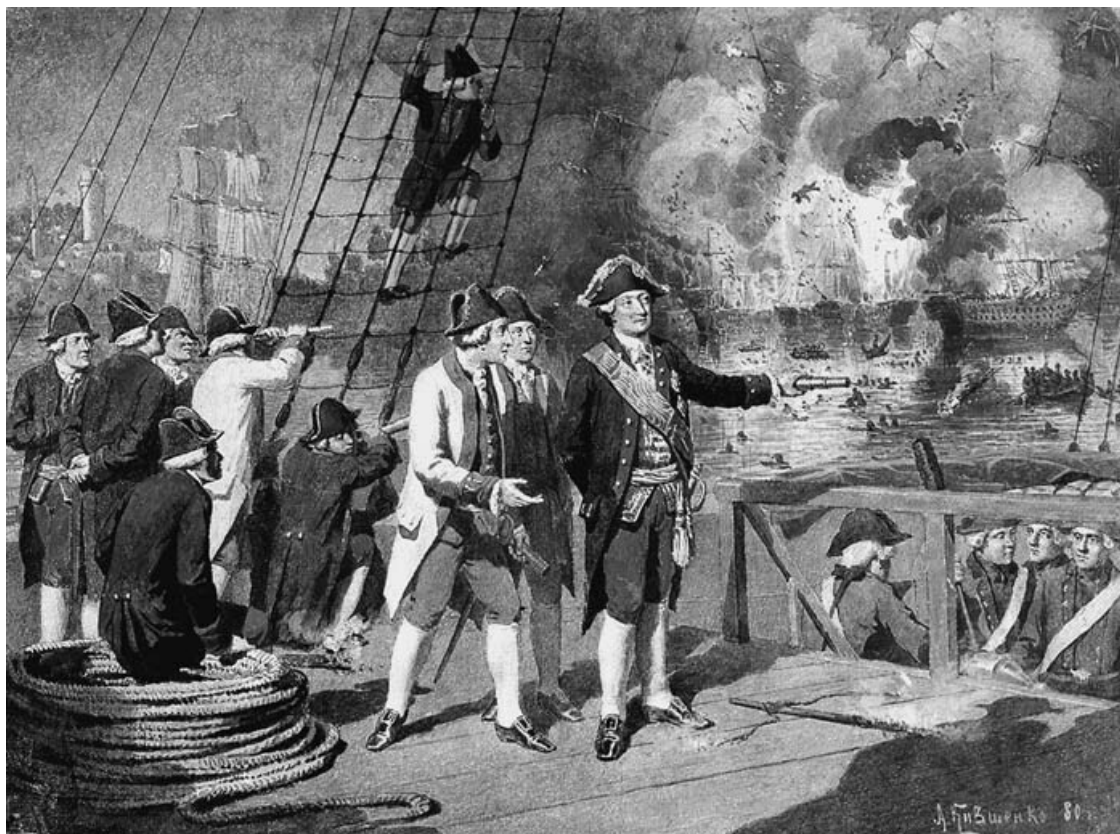
Вернувшись в Париж из похода в дальние страны, Сегюр оказался героем дня: в обществе все им интересовались, его ласкали при дворе; королева встретила его с особой благосклонностью. Его донесения из Америки обратили на себя внимание министра иностранных дел графа Вержена. Вскоре последний предложил ему перейти на дипломатическую службу, заявив, что он прочит его на один из важнейших постов, а именно: на пост французского посланника в Петербурге. Помимо оценки личных качеств Сегюра, по-видимому, Верженом до некоторой степени руководило и желание угодить его отцу, маршалу, пользовавшемуся расположением короля. Для самого Сегюра это совершенно неожиданное предложение было, разумеется, весьма лестным, но, с другой стороны, он не без сожаления расставался с военной службой и мечтами о военной славе.

Возникшие было в лице другого кандидата препятствия были быстро устранены благодаря личному вмешательству Марии Антуанетты, и осенью 1871 г. полковник граф де Сегюр был назначен полномочным министром при российском дворе. «Я отнюдь не был подготовлен, – пишет он в своих воспоминаниях, – чтобы с успехом выступать на той сцене, где должны были обсуждаться важнейшие вопросы европейской политики». Желая пополнить свои знания, он принимается за изучение архивов министерства иностранных дел, разбирает там корреспонденцию по русским делам, кроме того, беседует с Бретелем, занимавшим пост французского посла в России во время восшествия на престол Екатерины, а также и с другими дипломатами и государственными деятелями, от которых он может надеяться получить полезные сведения. Тогда же он сближается с Гриммом, постоянным корреспондентом Екатерины, который снабжает его рекомендательными письмами к императрице и непосредственно дает ей о нем лестный отзыв. В довершение всего он даже совершает поездку в Лондон, чтобы ближе ознакомиться с политикой английского кабинета, влияние которого в России усилилось в ущерб интересам Франции. Английские порядки, английское государственное устройство приводят его в восхищение; он с чувством зависти наблюдает «эту систему законности и эту счастливую комбинацию королевской власти, аристократии и демократии», на которых зиждется могущество Англии. Наконец, в декабре 1874 г., получив от Вержена обстоятельный и подробные инструкции, от своего отца – мудрые советы, от министра финансов – щедрые обещания, а от короля и королевы – лестные доказательства их расположения, Сегюр простился «со своими драгунами, со своим домашним очагом и со своей семьей» – жена его оставалась во Франции – и через Берлин и Варшаву отправился к месту своего нового служения. Таков был молодой дипломат, призванный представлять интересы отживающей королевской монархии при дворе самодержавной императрицы.

Отношения между Францией и Россией были в то время довольно натянуты, хотя за последние годы до назначения Сегюра в них и произошло известное улучшение. Политика Франции издавна была направлена на создание среди государств Восточной Европы противовеса против преобладания центральных держав: монархии Габсбургов, а впоследствии Пруссии. Не решаясь еще сблизиться с Россией, если не считать отдельного эпизода Семилетней войны, Франция опиралась на Швецию, Польшу и Турцию, т. е. как раз на те государства, которые стояли на путях исторического роста России. Таким образом, во всех своих стремлениях к расширению своих границ Россия сталкивалась с враждебной ей политикой Франции. В Швеции с самого начала царствования Екатерины II шло соперничество между французским и русским влиянием. Шведские политические партии, боровшиеся за преобладание, получали крупные субсидии от французского и русского дворов. Франция, желая иметь в лице Швеции сильного союзника, поддерживала все попытки укрепления монархической власти; переворот 1772 года, ограничивший права дворянства, был проведен Густавом III при прямой поддержке Франции и при содействии французского золота. Русская же дипломатия, наоборот, ставила

себе целью поддержание сословных привилегий, расшатывавших государственный порядок в Швеции. В Польше французское влияние было совершенно оттеснено. Первый польский раздел, которому Франция не смогла и не сумела помешать, рассматривался ею как поражение ее политики. Встревоженная ходом событий в Польше, Турция по наущениям Франции в 1768 году объявила России войну. Во время этой первой турецкой войны французская дипломатия всячески противодействовала успехам России. «Наши враги французы теперь мечутся, как угорелые кошки, – писала императрица Алексею Орлову после Чесменской победы, – однако в противность их желания Бог благословит наше дело счастливым и скорым окончанием». Заключение Кючук-Кайнарджийского мира, увенчавшего победы русского оружия, вызвало неудовольствие и зависть во Франции. Раздражение еще усилилось после присоединения Крыма. Французский посол в Константинополе, Шуазоль-Гуффье, которому впоследствии пришлось искать убежища при русском дворе, возбуждал турок против России, и еще в 1783 году французский министр иностранных дел граф Вержен составлял план помощи Турции в предстоящей борьбе с Россией с целью обратного отторжения Крыма и думал навязать петербургскому и венскому дворам посредничество Франции в их распре с Портой.

Инструкция, данная Сегюру при его отъезде, не заключала в себе никакой определенной политической программы; французское правительство при данных обстоятельствах не выражало никаких надежд на возможность сближения между обеими державами. «Король убежден, – говорится в этой инструкции, – что все усилия, которые он мог бы сделать, чтобы приобрести дружбу Екатерины, были бы тщетными и что при жизни этой государыни его, т. е. посланника, личное поведение по отношению к ней должно ограничиваться простым проявлением вежливости... Тем не менее само собой разумеется, что граф де Сегюр должен изыскивать все способы, чтобы быть приятным Екатерине II и приобрести, если возможно, доверие лиц, приближенных к этой государыне. Как ни мало имеется, по-видимому, оснований рассчитывать, что настоящее положение вещей изменится, все же всегда нужно быть готовым воспользоваться благоприятным моментом». Целью французской дипломатии, в случае если бы такой момент представился, являлось заключение торгового договора: «Граф де Сегюр должен быть всегда готовым вступить в переговоры по этому поводу, – говорится далее в инструкции, – заявляя, что мы не требуем ничего другого, как только чтобы к нам относились так же, как к Англии, и что мы можем предложить России в силу тех условий, в которые поставлена торговля во Франции, такие преимущества, какие та держава никогда не в состоянии будет ей предоставить». Казалось, как писал впоследствии Сегюр, что его задача должна была свестись главным образом к наблюдению за ходом событий. Сам он, однако, отнюдь не намерен был довольствоваться такой чисто пассивной ролью и решил не останавливаться перед затруднениями, вызванными неблагоприятной политической обстановкой. «Легко добиться политических успехов при любом дворе, – пишет он в своих воспоминаниях, – если личность того, кто уполномочен вести переговоры, нравится государю». Это служит как бы руководящей нитью всей его деятельности в России: на личных успехах строил он все свои дальнейшие планы.

Чесменский бой. Художник А.Д. Кившенко

Прибыв в Петербург в марте 1785 года, Сегюр быстро убедился, что из числа дипломатических представителей первое место при дворе и в петербургском обществе занимают австрийский посол и английский посланник, тогда как представитель Франции оказывается оттесненным на второй план. При первом же представлении императрице Сегюр, как ловкий царедворец, находчивый и остроумный, сумел произвести на Екатерину самое благоприятное впечатление. Между прочим он рассказывает, что в рассеянности он в последнюю минуту позабыл текст составленной им официальной речи, которая была заранее известна государыне, – впрочем, может быть, это было сделано и нарочно, – но, не смутившись, тут же произнес блестящую импровизацию. Свою внезапную забывчивость он поспешил объяснить тем, что слишком был поражен блеском и величием императрицы. В дальнейшем Екатерина имела возможность оценить остроумие, придворный такт, образованность и литературные таланты Сегюра, и вскоре он был допущен в состав избранного кружка приближенных к императрице особ. В июне 1875 г. Екатерина писала Гримму: «Если Франция обладает многими людьми, подобными г. де Сегюру, то я ее поздравляю: достоинства, ум, таланты и знания соединяются в нем с благородством чувств и любезностью; это справедливость, которую ему следует отдать».

С другой стороны, и Сегюр всецело подпал под обаяние императрицы. Он восторгается живостью ее ума, ее разносторонней образованностью и кипучей деятельностью. «Величественная на торжественных приемах, она могла быть обворожительно любезна и даже проста в небольшом обществе», – пишет Сегюр. Вот как он, между прочим, описывает в своих воспоминаниях свое первое посещение Царского Села: «Я прибыл в Царское Село; Екатерина II была столь необыкновенно добра, что сама показала мне красоты этого дивного загородного дворца, где прозрачные воды, свежие рощи, изящные павильоны, благородство архитектуры, драгоценная мебель, комнаты, отделанные порфиром, ляпис-лазурью и малахитом, производят впечатление какой-то феерии и напоминают восхищенным странникам дворцы и сады Армиды... Полная свобода, веселый разговор, отсутствие всякой скуки и всякого принуждения

могли бы заставить меня подумать, если бы я отвернул свой взор от мощного величия Царско-сельского дворца, что я нахожусь на даче у самой любезной хозяйки». Эти и другие подобные же отзывы, которых много можно найти на страницах его воспоминаний, особенно интересны в устах человека, избалованного блеском и изысканной роскошью версальского двора.

Двумя ближайшими коллегами Сегюра при дворе императрицы были граф Кобенцль³, представитель союзной с Францией Габсбургской монархии, и Фитц-Герберт, представитель Англии, политический соперник Сегюра, с которым он, впрочем, лично оставался до конца в самых дружественных отношениях. Это дипломатическое трио постоянно окружает императрицу. Они гостят у нее в Царском Селе, бывают на всех эрмитажных собраниях, сопутствуют ей в ее путешествиях.

Продолжая свои воспоминания о Царском Селе, Сегюр пишет: «Екатерина работала почти все утро, и каждый из нас мог в это время писать, читать и гулять, словом, делать, что ему угодно. Хороший, простой обед, не отличавшийся ни большим количеством блюд, ни числом приглашенных, подавался без всякой торжественности. После обеда время проводилось в играх и разговорах. Вечером императрица рано удалялась в свои апартаменты, а мы – Кобенцль, Фитц-Герберт и я – собирались тогда либо у одного из нас, либо в апартаментах князя Потемкина».

Прогулка императрицы Екатерины II в парке Царского Села. Художник М.Ф. Дамам-Демартре

Сент-Бев в одном из своих очерков рассказывает, будто успех Сегюра у Екатерины зашел даже дальше, чем он сам того желал, настолько, что ему будто бы пришлось в очень тонкой форме дать понять императрице, что он не претендует на роль фаворита. Едва ли, впрочем,

³ «Граф Людовик Кобенцль находился долгое время послом в Петербурге, был очень любезен, веселого нрава и душою общества, любил играть на благородных театрах и сам сочинял пьесы» (А. Вейдемейер: Двор и замечательные люди в России во второй половине 18-го века. СПб., 1846).

этот рассказ соответствует действительности; скорее можно думать, что это одна из легенд, сложившихся вокруг имени молодого дипломата, который действительно в свое время пользовался репутацией неотразимого донжуана. Во всяком случае рассказу этому, казалось бы, противоречит то, что расположение Екатерины к Сегюру оставалось неизменным до самого конца его пребывания в России. Сегюр был незаменимым собеседником, он развлекал государыню своими стихотворными экспромтами, сочинял пьесы для Эрмитажного театра, пытался даже обучать Екатерину правилам французского стихосложения – впрочем, совершенно безуспешно: по словам Сегюра, трудно было бы найти ухо, менее чувствительное к гармонии стиха. Известна, между прочим, надгробная надпись в стихах, сочиненная им для Земиры, любимой собачки императрицы, и вырезанная на камне в Царскосельском парке за гранитной пирамидой, на так называемом Собачьем кладбище. Восхищаясь поэтическим даром Сегюра, Екатерина писала Гримму, что, по ее мнению, Сегюр после смерти Вольтера является первым поэтом Франции.

Труднее было приобрести расположение второго из действующих лиц на русской политической сцене – князя Потемкина-Таврического. Потемкин считался убежденным сторонником Австрии и Англии и, наоборот, недоброжелательно относился к Франции, политика которой, направленная к сохранению целостности Турецкой империи, в его глазах являлась одним из главных препятствий к осуществлению его знаменитого «греческого проекта». Ко времени приезда Сегюра в Россию Потемкин, хотя и замененный в роли фаворита другим лицом, продолжал пользоваться неограниченным влиянием в государственных делах. Всесильный князь Таврический был окружен всеобщим поклонением: все перед ним заискивали; все, не исключая и иностранных представителей, покорно сносили его причуды и капризы. Сегюр постарался выделиться тем, что сразу настоял на соблюдении по отношению к себе, как представителю великой державы, соответственных внешних форм. Расчет его оправдался: его самостоятельное поведение, видимо, понравилось Потемкину. Далее Сегюр, по его словам, сумел воспользоваться слабостью князя к богословским вопросам; в этой области Потемкин считал себя знатоком, он любил изучать творения Отцов Церкви и постановления Вселенских соборов и особенно интересовался вопросом о причинах разделения Восточной и Западной церквей. Сегюр обладал достаточными познаниями, чтобы поддерживать разговор на эти темы, и постепенно Потемкин привык обмениваться с ним своими мыслями по этим предметам. Другой, более практический вопрос способствовал дальнейшему сближению. Потемкин, как наместник новоприобретенного южного края, отлично сознавал, какое значение могло иметь для развития Новороссии и Крыма установление непосредственных торговых сношений между черноморскими портами и Марселем. В этом отношении его желания вполне совпадали с мыслями Сегюра. Умело пользуясь общностью интересов, последний скоро приобрел доверие князя и стал одним из наиболее приближенных к нему лиц. «Дружественные, доверчивые отношения, установившиеся между главным сотрудником Екатерины и представителем двора, против которого предубеждения его были известны, поразили всех. Дипломатический корпус не знал, что думать об этом сближении, – пишет Сегюр, – князь Потемкин, вероятно, сообщил императрице о благоприятном мнении, которое он себе составил обо мне; со дня на день прием, оказываемый мне государыней, становился более милостивым, более любезным; холодность ее министров по отношению ко мне исчезла; придворные последовали ее примеру». Граф Безбородко, вообще недолюбливавший французов, говорил о Сегюре, что он «весьма много имеет в себе приятного при отличных знаниях и способностях» и что «он не похож на своих предшественников, таких скотов, как Верак, Жюинье и Боссе».

Г.Г. Потемкин. Художник И.-Б. Лампи Старший

Таким образом, первые выступления Сегюра при дворе, несомненно, увенчались успехом. Что же касается общества, то Сегюр пишет, что, хотя многие его представители не особенно доброжелательно относились к Франции, он все же никогда не забудет того приема, не

только любезного, но и сердечного, который был ему оказан в самых блестящих кругах Петербурга.

Нужно сказать, что к этому времени и политическая обстановка стала складываться несколько более благоприятно для установления лучших отношений между Францией и Россией. Время «северного аккорда» прошло. Недовольная двуличной политикой Пруссии и постоянными интригами Фридриха II, Екатерина для осуществления целей русской политики на Черном море сблизилась с Австрией, союзницей Франции, и в 1781 году заключила союз с Иосифом II. С другой стороны, отношения между Россией и Англией, главной соперницей Франции, которые уже испортились в связи с объявлением Россией в 1780 году правил о вооруженном нейтралитете, еще более обострились из-за восточного вопроса. Англия и Пруссия, не имея других союзников, вошли в более тесные отношения между собой и в свою очередь заключили союз. В результате этого стала намечаться новая группировка держав, при которой Россия и Франция, имея общих противников в лице Англии и Пруссии и общего союзника в лице Австрии, неминуемо должны были сблизиться, хотя это сближение и замедлялось тем, что Франция не решалась отказаться от своей прежней политики поддержки Швеции и Турции.

Наглядным проявлением желания Екатерины улучшить отношения с Францией явилось состоявшееся в 1782 году – следовательно, незадолго до приезда Сегюра в Россию – посещение Парижа наследником престола цесаревичем Павлом Петровичем и его супругой. Значение этого события еще подчеркивалось тем, что прусская территория была, как известно, тщательно исключена из маршрута их высочеств. Цесаревич, путешествовавший под именем графа Северного, произвел, по отзывам современников, самое благоприятное впечатление и при версальском дворе, и в Париже, очаровав собою французское общество. «Двор был в восхищении от великого князя, который очень приветлив, образован, хорошо осведомлен и всегда умеет сказать что-нибудь любезное», – писала королева Мария-Антуанетта своей сестре, эрцгерцогине Марии-Христине. Один из французских историков утверждает, что если впоследствии, во время революции, столько французов обратили свои взоры в сторону России, то это потому, что они помнили графа Северного.

Сегюр всячески старался использовать намечавшееся охлаждение между Россией и Англией в интересах французской торговли; в своих разговорах с русскими государственными деятелями он постоянно указывал на невыгодные последствия того монопольного положения, которое было предоставлено Англии на русском рынке, и на желательность предоставления одинаковых прав и французской торговле. Наконец предусмотренный в инструкции благоприятный момент наступил. Это было во время плавания по озеру Ильмень, когда Сегюр вместе с австрийским и английским послами сопровождал Екатерину в ее поездке для осмотра Вышневолоцкого канала. Впереди шла великолепно разукрашенная галера императрицы, за нею – галера Потемкина и галеры трех послов. Заметив раздражение императрицы против Англии, вызванное недружелюбным образом действий Питта, Сегюр намекнул Потемкину, что, по его мнению, лучшим способом отомстить Англии было бы заключение торгового договора с Францией. Мысль эта понравилась Потемкину, и Сегюр, вернувшись на свою галеру, тут же набросал записку о желательности подобного договора и о выгодах, которые могли бы предоставить друг другу Россия и Франция. С особым удовольствием упоминает Сегюр о том, что для писания этой записки, имевшей целью сломить преобладание Англии, он занял перо у своего английского коллеги.

Екатерина вполне одобрила записку Сегюра, и по возвращении в Петербург немедленно начались переговоры. Окончательно торговый договор, по которому Россия и Франция взаимно предоставляли друг другу права наиболее благоприятствуемой державы, был подписан 11 января 1787 года.

Таким образом, Сегюру удалось добиться успеха в таком деле, в котором все его предшественники начиная с XVIII века терпели неудачу⁴. Значение этого успеха еще усиливалось тем, что ввиду происшедших разногласий между Англией и Россией переговоры о возобновлении действовавшего между ними торгового договора были окончательно прерваны.

После ратификации франко-русского договора Людовик XVI, желая выразить свое удовлетворение, прислал богатые подарки всем четырем русским уполномоченным: каждый из них получил по 40 000 франков и портрет короля, осыпанный брильянтами, примерно такой же стоимости. Канцелярии русская и французская получили по 1000 дукатов каждая. Со своей стороны, Екатерина пожаловала Сегюру свой портрет с брильянтами, дорогие меха и 10 000 франков деньгами. Несколько дней спустя он получил второй портрет императрицы в дорожном костюме. Кроме того, в Париж был послан специальный курьер с подарками для французских министров.

Согласно приказанию Людовика XVI, Сегюр передал императрице чувства удовлетворения короля по поводу заключения акта, являющегося связующим звеном между ними, и надежду на дальнейшее, более тесное сближение. Ответ Екатерины был составлен в самых дружественных и любезных тонах и, по словам Сегюра, звучал так миролюбиво, как только можно было надеяться.

Это происходило в Киеве во время знаменитого путешествия Екатерины в Крым, в котором ее сопровождали в числе многих других лиц и три дипломатических представителя: посол императора, посланники французский и английский.

В Киеве каждому из трех дипломатов был отведен отдельный дом, великолепно обставленный, с драгоценной посудой, серебром, погребом изысканных вин, с полным штатом прислуги, лошадьми и пр.

Во время пребывания в Киеве Сегюр имел случай представить императрице двух своих соотечественников и друзей, так же, как и он, участников Войны за независимость Соединенных Штатов и обладателей знака отличия Цинцинната. Это были граф Александр де Ламет и граф Эдуард де Диллон, «именитые путешественники», приехавшие посмотреть двор «Северной Семирамиды». Екатерина встретила их крайне милостиво. «Она любила покорять, – пишет Сегюр, – особенно тех лиц, которых она считала достойными быть покоренными; она хорошо знала, что лица, выдающиеся по своему имени, по своим достоинствам, своим писаниям или успехам в свете, являются прекрасным орудием для прославления монархов, польстивших их самолюбию».

⁴ «Votre pays pour moi fut une autre patrie, J'unis par un traité la France et la Russie; Ce fortuné lien des Russes, des Français Fut mon meilleur ouvrage et mon plus beau succès», – записал впоследствии в альбом княгини Н.И. Куракиной старый Сегюр, в то время уже академик и пэр Франции.

Граф Александр де Ламет. Художник Ж.У. Герен

Лафайет также собирался прибыть ко двору Екатерины, но, будучи назначен членом созванного в это время Людовиком XVI собрания нотаблей, не мог осуществить своего намерения. «Императрица, – пишет Сегюр, – выразила мне свое огорчение по этому поводу; она очень желала с ним познакомиться, ибо в то время энтузиазм по поводу освобождения Америки охватил всех, даже коронованных особ... Лафайет им казался героем, – прибавляет Сегюр, – потому что он сражался за свободу на другом полушарии, но, как только он захотел проводить такие же мысли в Европе, все государи стали смотреть на него, как на виноватого и на бунтовщика».

В Киев прибыл также и принц Нассау-Зиген – этот «странствующий паладин XVIII века», которого Сегюр, его давнишний приятель (в ранней молодости они дрались на дуэли по какому-то пустяшному поводу и после этого поклялись друг другу в вечной дружбе) также представил Екатерине. Представитель германского княжеского рода, поступивший на французскую военную службу, принц Карл Нассау-Зиген, в погоне за приключениями совершил вместе с Бугенвилем кругосветное плавание, затем сражался в рядах испанской армии против англичан при Гибралтаре, проявляя повсюду безумную отвагу; «везде, где веселились или где сражались, можно было быть уверенным его встретить, – говорит Сегюр, – он был придворным всех дворов, воином всех станом, рыцарем всех приключений». Единственные враги, которых

он боялся, были его кредиторы. От них, по-видимому, он и бежал в Польшу, где он женился и начал заниматься сельским хозяйством. Сегюру он написал из Варшавы, прося его исходатайствовать разрешение пользоваться русским флагом для судов, на которых он собирался вывозить сельскохозяйственные продукты из своих имений через Черное море в Архипелаг и во Францию. Екатерина милостиво отнеслась к этой просьбе и не только дала просимое разрешение, но и пожаловала принцу поместье в Крыму. Он явился в Киев, чтобы принести императрице свою благодарность. Благосклонно принятый императрицей, он был приглашен сопутствовать ей в ее дальнейшем путешествии в Крым. С этих пор он стал одним из приближенных к ней лиц. «Его голова подходит к моей», – отзывалась о нем императрица. Из Крыма Потемкин отправил его с секретной миссией во Францию, поручив ему разузнать истинные намерения версальского двора по отношению к двору петербургскому и выяснить, какие выгоды Екатерина могла бы извлечь из сближения с Францией. В Версале, где он оставил много друзей, он был принят с полным доверием и по возвращении в Россию представил отчет о своей поездке, вполне удовлетворивший императрицу. Таким образом, Нассау стал как бы неофициальным советником по французским делам, с мнением которого очень считались. Он, по-видимому, занял в этом отношении положение, почти равное Сегюру, но последний на это не обижался. Ставя выше всего интересы своего отечества, он обращал внимание только на те преимущества, которые можно было извлечь для дела благодаря влиятельному положению принца, и продолжал поддерживать с ним самые лучшие отношения. Впоследствии принцу Нассау-Зигену, как известно, суждено было играть выдающуюся роль не только в войнах Екатерининского царствования в качестве командующего русским флотом, но и на дипломатическом поприще, в качестве представителя Екатерины в Кобленце при дворе эмигрировавших братьев французского короля.

«В то время, – пишет Сегюр в своих воспоминаниях, – никто не предвидел тех последствий, к которым должны были повести легкие беспорядки, волновавшие Францию... Екатерина, отличавшаяся обыкновенно столь проницательным умом, настолько ошибалась при этих обстоятельствах в оценке положения французского правительства, что предвидела для него в будущем лишь безопасность, славу и счастье».

Вскоре после возвращения в Петербург, Сегюр, считая, по-видимому, что с подписанием торгового договора главнейшая цель его пребывания в России является достигнутой, решил уехать в продолжительный отпуск. К этому его побуждало и то обстоятельство, что его личные убеждения все более и более расходились с взглядами французского правительства по восточному вопросу. По своему официальному положению Сегюр должен был отстаивать политическую систему, имевшую в виду оказание помощи и поддержки Оттоманской Порте, что давало повод Потемкину в шутку называть его «Сегюром-эфенди», между тем как в душе он далеко не сочувствовал подобной политике. Это двойственное положение, несомненно, его тяготило. Поэтому, заручившись разрешением своего правительства, он 5 сентября 1787 года откланялся императрице. Между тем тучи на политическом горизонте все более и более сгущались. Турция предъявила России ультиматум, и война становилась неизбежной. Но роли держав в это время переменялись. Франция, опасаясь, ввиду расстройств своих финансов, быть вовлеченной в войну, старалась преподать Порте советы благоразумия и удержать ее от резких выступлений, тогда как Англия и Пруссия, наоборот, возбуждали ее против России. При таких условиях отъезд Сегюра, пользовавшегося доверием и расположением Екатерины, представлялся для нее крайне нежелательным. В день, назначенный для отъезда Сегюра, когда он уже собирался садиться в свой дорожный экипаж, он неожиданно получил от императрицы приглашение к обеду с просьбой отложить свой отъезд на несколько дней.

Подчиняясь воле императрицы, Сегюр явился во дворец. Обласканный Екатериной, сообщившей ему свои опасения о предстоящем разрыве с Турцией, он понял, что ему нужно оставаться. Екатерина проявляла к нему особое внимание. Несколько дней спустя в Эрмитаже

была поставлена трагедия «Кориолан» сочинения Сегюра; во время представления императрица посадила автора около себя и в особенно эффектных местах брала его за руки, заставляя аплодировать собственному произведению. Одновременно Сегюр получил из Парижа, где в то время уже узнали о заключении русского посланника Булгакова в Семибашенный замок, приказание оставаться на своем посту.

12 сентября был подписан императрицей манифест о войне с Турцией. Начиналась вторая турецкая война, а через несколько месяцев против России выступила и Швеция.

Портрет князя А.А. Безбородко. Художник И.-Б. Лампи Старший

В сентябре 1787 года Безбородко в разговоре с Сегюром затронул вопрос о возможности заключения тройственного союза: Франция, Австрия и Россия, в противовес англо-прусскому соглашению, к которому примкнула и Голландия. Со стороны Сегюра это предположение встретило полное сочувствие, и он стал всячески отстаивать его в своей переписке

с Парижем. Его не могла не соблазнять мысль связать свое имя с столь важным политическим актом, который должен был закрепить сближение между Россией и Францией и направить политику последней по совершенно новому пути. Этот союз явился бы увенчанием всей его дипломатической карьеры. С течением времени мысль об этом союзе получила дальнейшее развитие и было предположено привлечь к нему Испанию, объединив, таким образом, союз между двумя императорскими дворами, – петербургским и венским, с фамильным соглашением, связывавшим обе линии Бургонского дома. Союз этот должен был охватить очень обширную и многообразную сферу интересов. Выгоды его для России и Австрии заключались главным образом в том, что они получили бы возможность сосредоточить все свои силы для борьбы с Турцией, будучи обеспечены оттого, что Пруссия воспользуется этим временем для самостоятельных выступлений и новых захватов в Польше. Другими словами, Франция должна была признать первый польский раздел, что являлось большой жертвой для ее самолюбия, и гарантировать сохранение в Польше положения, созданного этим актом. Для Франции же, как писал Сегюр графу Монморену⁵, «главное преимущество этого договора заключалось бы в получении от России помощи против англичан или, по крайней мере, в том, чтобы добиться закрытия русских портов для английских судов в случае войны между Францией и Англией, требование, которое было бы достаточным, чтобы побудить английское министерство оставить всякую мысль о враждебных действиях, так как оно больше всего опасается вызвать недовольство среди своих торговцев и повредить своему мореплаванию». В Париже особенно настаивали на этой стороне вопроса. «Совет короля полагает, – писал французский министр иностранных дел графу Сегюру, – что одно из главных преимуществ, которые мы можем себе обещать от союза с Россией, заключается в полном разрыве уз, соединяющих ее с Англией. Словом, для того чтобы наш союз мог существовать, король твердо намерен потребовать формального обязательства в отношении Англии, и, конечно, он не удовлетворится простым нейтралитетом». Таким образом, Франция в своем вековом соперничестве с Англией решила воспользоваться обстоятельствами, чтобы окончательно перетянуть Россию на свою сторону. Французские государственные деятели, как видно из переписки между Парижем и французским посольством в Петербурге, вполне сознавали, что полный разрыв с Англией не отвечает интересам России, и в особенности интересам русской торговли, то они надеялись, что ввиду критического положения императрица пожертвует прочими соображениями для заключения союза, обеспечивающего ей свободу действий в Турции. Что касается Испании, то ее думали прельстить возможностью обратного завоевания Гибралтара.

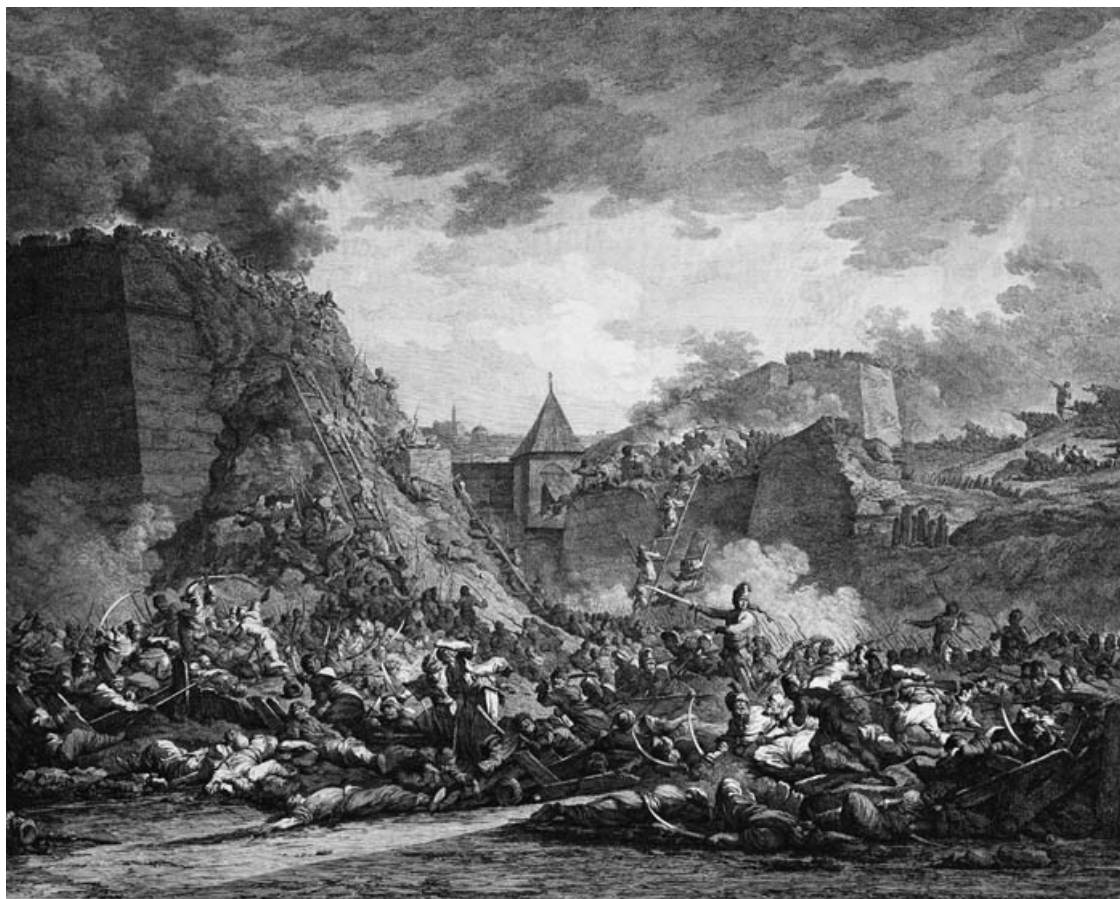
Очевидно, что с французской стороны заключение подобного союза с Россией требовало решительного отказа от традиционной политики поддержки Швеции и Турции и согласия на хотя бы частичное осуществление «греческого проекта» Екатерины. В истории дипломатических отношений между Россией и Францией эти попытки к заключению франко-русского союза представляют весьма любопытную страницу, на которой, стоит остановиться несколько подробнее, так как она многое объясняет в дальнейшем ходе событий.

Екатерина считала, что для Франции война, которая направила бы все силы страны на борьбу с внешним врагом, явилась бы лучшим средством для отвлечения внимания от внутренних неурядиц. В дневнике Храповицкого от 9 января 1788 г. имеется следующая запись: «Разговор о обстоятельствах Франции и что ей должно войти в войну, дабы избежать сделанного королем обещания о собрании чинов государственных». Сегюр, наоборот, опасался войны, но он был убежден, что именно существование подобного союза явится верным залогом восстановления мира в Европе. В Париже не разделяли оптимизма Сегюра и опасались, что

⁵ Граф Вержен, с начала царствования Людовика XVI занимавший должность министра иностранных дел, скончался в 1787 году. Смерть этого выдающегося государственного деятеля, сумевшего перед самым крушением французской монархии восстановить ее былой престиж в международных отношениях, была большой потерей для Франции. После его кончины руководство французской внешней политикой перешло в руки чрезмерно осторожного и нерешительного графа Монморена.

следствием союза явится вовлечение Франции в войну, которая при ее расстроенных финансах была бы для нее совершенно непосильной, и потому тем более не решались определенно поставить вопрос об отношениях к Турции. Наоборот, все шло по-старому: французские инженеры заведовали работами по укреплению и вооружению турецких портов на Черном море, французские военные поступали на турецкую военную службу. Когда начались военные действия и после кровопролитного штурма был взят Очаков, укрепленный стараниями Лафита, известие об этом было встречено в Париже с явным неудовольствием.

Двойственность французской политики сказывалась также и в отношениях к Швеции. Ведя переговоры о заключении франко-русского союза, Франция в то же время продолжала согласно договору 1784 года выплачивать Швеции ежегодные субсидии, которые позволяли последней вооружаться против России. Можно себе представить, насколько затруднительным становилось при таких условиях положение французского представителя при русском дворе. Нужен был весь такт, все умение Сегюра, чтобы, тем не менее, сохранить милостивое расположение императрицы.

Штурм Очакова. Старинная гравюра

Между тем мысль о привлечении Испании в состав четверного союза пришлось оставить. Несмотря на посылку в Мадрид Нассау-Зигена, Карл IV отказался примкнуть к этой комбинации. Переговоры, однако, продолжались, и из Парижа в Петербург был даже доставлен предварительный проект договора «о дружбе и оборонительном союзе между королем и российской императрицей». Согласно этому проекту, «высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются гарантировать и защищать неприкосновенность всех своих владений без всякого исключения. Однако, на настоящую войну между ее Императорским Величеством и Султаном, а также и Королем Шведским, равно как и на могущие возникнуть в будущем войны между

Францией и Великобританией, действие договора не распространяется, за исключением только того случая, если бы какая-либо другая держава присоединилась к врагам одной из договаривающихся сторон». Далее в проекте договора предусматривается помощь войсками или субсидиями, если бы одной из сторон угрожало вражеское нападение. Наиболее интересной является прибавленная к проекту секретная статья следующего содержания: «Хотя Англия и исключена из действия настоящего договора, все же условлено, что если эта держава, из ненависти к настоящему союзу, нападает на одну из договаривающихся сторон, на суше или на море, они будут действовать сообща и окажут друг другу помощь, обусловленную подписанным сего числа договором». Очевидно, статья эта, по мысли французского правительства, и заключала в себе центр тяжести всего соглашения, и она наглядно показывает, какие цели преследовала Франция при этой политической комбинации. Не опасаясь, однако, немедленных враждебных действий со стороны Англии, французское правительство стремилось всячески затянуть переговоры до окончания турецкой войны, предлагая свои услуги в качестве посредника, чтобы только не быть вынужденным принять участие в военных действиях. В этом отношении оно не останавливалось даже перед открытым признанием своей временной слабости и неспособности вследствие этого выполнить обязанности союзника.

Во Франции тем временем шли приготовления к собранию Генеральных Штатов, и королю, перед самым созывом народных представителей, представлялось тем более нежелательным возлагать на страну новые обязательства, вытекавшие из предположенного союза. «Только после того как внутренние дела Франции будут приведены в порядок и поколебавшийся кредит ее вновь восстановлен, – писал Сегюру граф Монморен, – Франция станет действительно полезным союзником, и заключаемые с ней союзы станут на самом деле внушительными. Таковы причины, которые в настоящее время побуждают Его Величество отсрочить приведение в исполнение решения об укреплении всеми силами связи с петербургским двором». «Король продолжает неизменно держаться системы единения с двумя императорскими дворами, – читаем мы в другом, письме Монморена, – и, хотя и усматривает в настоящее время существенные затруднения к заключению предположенного союза, все же полагает, что мы не должны прекращать работы по установлению его основ, с тем чтобы облечь их в соответственные формы, когда эти затруднения перестанут существовать. Это время наступит тогда, когда будет восстановлен мир между двумя императорскими дворами и Оттоманской Портой и когда будут окончательно разрешены все вопросы внутренней французской политики, т. е. по окончании собрания Генеральных Штатов». В Петербурге такой образ действий французского правительства вызывал вполне понятное нетерпение, а также обвинения в неискренности. В особенности Потемкин настаивал на необходимости не рассчитывать более на Францию и искать сближения с Англией. Сегюр, со своей стороны, указывал французскому правительству на опасность дальнейшего промедления, которое может привести к отказу России от заключения союза, вследствие чего Франция окажется вполне изолированной. «В случае отсрочки в заключении союза, – пишет он в одном из своих донесений, – мы в скором времени увидим здесь падение нашего кредита и нашего влияния». Все его старания убедить французское правительство в необходимости более энергичных выступлений оставались, однако, тщетными, и он продолжал получать из Парижа столь же бесцветные инструкции.

В таком неопределенном состоянии находились переговоры, безрезультатно тянувшиеся уже более полутора лет, когда разразившаяся в Париже революция круто изменила положение. Переговоры пришлось прервать, и попытка к заключению франко-русского союза так и осталась неосуществленной.

Первое известие о восстании в Париже 14 июля и о взятии Бастилии привез курьер, отправленный из Парижа русским посланником во Франции И.М. Симолиным. «Приехал курьер, – читаем мы в дневнике Храповицкого, – с известием, что сколь скоро сведали в Париже о перемене министров, а особливо Неккера, то народ взволновался, взяли подозрение

на королеву, разбили Бастилию; les gardes françaises пристали к народу. Король приходил в собрание депутатов, из коих несколько отправилось в Париж для усмирения народа⁶, но тут и утвердили свою милицию, над коей начальник Лафайет».

Сегюр, не получивший еще никаких официальных уведомлений об этих событиях от своего правительства, впервые узнал о них от графа Безбородко, сообщившего ему, что «беспорядок достиг высшего предела», что «всюду нарушают законы, оскорбляют дворянство и грабят замки». «Так как мне ничего не писали, – говорит Сегюр, – согласно обычаю, достойному порицания, но которому, из боязни себя компрометировать, следуют многие министры, руководящие политикой, я не был в состоянии ответить надлежащим образом и отличить истину от преувеличений в этих известиях».

Прибывшему из Парижа курьеру было поручено в дополнение к привезенному им письменному донесению сделать устный доклад императрице. Но титулярный советник Павлов, на долю которого выпала историческая миссия возвестить российской императрице о начале французской революции, настолько смутился в высочайшем присутствии, что оказался совершенно не в состоянии выполнить возложенное на него поручение. «Оробел, – пишет Храповицкий, – велено ему подать изъяснение на письме». Между тем известие о восстании в Париже распространилось по городу. Сегюр следующим образом сообщает о впечатлении, вызванном этим известием в различных кругах столицы: «При дворе волнение было сильным и неудовольствие всеобщим; в городе впечатление было обратным, и, хотя Бастилия очевидно не угрожала никому из жителей Петербурга, я не могу описать энтузиазма, который вызвали среди купцов, торговцев, граждан и некоторых молодых людей высших классов падение этой государственной тюрьмы и этот первый триумф бурной свободы. Французы, русские, датчане, немцы, англичане, голландцы, все на улицах поздравляли друг друга, обнимались, как будто их освободили от давившей их тяжелой цепи». Ни у одного из русских современников этой эпохи мы не находим подтверждения этому сообщению Сегюра, и нужно думать, что в данном случае друг французских философов оказался жертвой собственного увлечения... Действительно, трудно себе представить, чтобы падение Бастилии могло вызвать особый восторг среди «торговцев, купцов и граждан» Екатерининского времени. Вернее будет предположить, что в проявлениях радости по поводу этого события участвовали, главным образом, проживавшие в Петербурге иностранцы. Что касается русских, то особое сочувствие и интерес парижские события могли возбудить только среди весьма ограниченного круга лиц, главным образом среди представителей молодежи, «зараженных духом вольного мудрствования». Впрочем, нельзя не отметить, что взятие Бастилии нашло довольно своеобразное отражение также и в одной из русских служилых семей. Статс-секретарь императрицы П.А. Соймонов, вернувшись однажды вечером к себе домой осенью 1789 года, с удивлением заметил, что галерея его дома освещена множеством свечей. Его семилетняя дочка на вопрос отца, что означает подобная иллюминация, отвечала. «Но, папа, разве не нужно было отпраздновать взятие Бастилии и освобождение этих несчастных французских узников?» Эта девочка была не кто иная, как будущая София Петровна Свечина, известная поборница католицизма. В доме Соймоновых любили говорить на гуманитарные темы, беседовать о злоупотреблениях власти, об угнетении народа, о попрании человеческого достоинства и т. п. Наслушавшись этих разговоров, впечатлительный ребенок сделал из них соответственный практический вывод. Но этот случай, по-видимому, является единичным, и говорить об общем энтузиазме среди населения столицы было бы несомненно большим преувеличением.

⁶ Заседания Национального собрания происходили тогда еще в Версале.

Взятие Бастилии. Художник П. Деларош

Императрица отнеслась к известию о взятии Бастилии весьма серьезно. За предшествовавшие годы Екатерина очень внимательно следила за всем, происходившим во Франции. Во время знаменитого процесса ожерелья королевы она велела присылать себе из Парижа все относящиеся к этому делу документы. Она читала знаменитый «отчет» Неккера и другие его труды и живо интересовалась как собранием нотаблей, так и заседаниями Генеральных Штатов. Но все же до 14 июля она, подобно большинству современников, не отдавала себе отчета в грозном значении назревавших событий. Взятие Бастилии, по-видимому, в этом отношении открыло ей глаза. С этого момента в ее оценке переживаемых Францией потрясений замечается резкая перемена. Весной 1788 года она еще писала Гримму: «Я не разделяю мнения тех, которые думают, что мы приближаемся к большой революции». Тогда она считала, что французскому правительству легко будет справиться с народным волнением, и верила в возможность заключения франко-русского союза. А после 14 июля 1789 года мы находим в ее переписке мрачные предположения о дальнейшем ходе событий во Франции. Уже в сентябре 1789 года она говорит Храповицкому: «Это настоящее безначалие; они способны повесить своего короля на фонарном столбе, это ужасно».

С.П. Свечина Художник Ф.-Ж. Кинсон

С самого начала она проявляет несколько презрительное чувство к королю, не сумевшему обуздать восстание. «Все дело в короле, – говорит она Храповицкому, – он всякий вечер пьян, и им управляет, кто хочет, сперва Бретель, партии королевиной, потом принц Конде и граф д'Артуа и, наконец, Лафайет; уговорили его идти в собрание депутатов». Неизвестно, откуда Екатерина почерпнула сведения о пьянстве Людовика XVI, но, очевидно, она была введена в заблуждение, ибо никто другой никогда не обвинял его в этом пороке. Вероятно, она

увлеклась своим чувством: ее глубоко возмущали, для нее были непонятны слабость и уступчивость короля. Она считала, что в его лице унижается самый принцип монархической власти. Она хотела бы придать ему мужества, видеть его более стойким, более решительным. «Как изменились времена, – пишет она Гримму 15 ноября 1789 года, – Генрих IV и Людовик XIV называли себя первыми дворянами своего королевства и считали себя непобедимыми во главе своего дворянства. Блеск царствования Людовика XIV поддерживался за границей до наших дней». Впоследствии это несколько пренебрежительное отношение к королю сменилось чувством искренней жалости к нему и к королевской семье.

Но в данную минуту ее более всего занимала политическая сторона вопроса. Ей стало ясно, что раздираемая внутренними волнениями Франция действительно не может служить для России надежной союзницей. Все ее планы о заключении франко-русского союза, все расчеты, сопряженные с этой комбинацией, подготовленной долголетними усилиями, приходилось оставить. Это убеждение в ней окончательно окрепло после получения депеши нашего посланника в Париже И.М. Симолина, в которой эти мысли получили вполне определенное, ясное и последовательное выражение. «Это событие, помимо своей важности с общей точки зрения, в настоящую минуту имеет особое значение для нашего двора, – писал Симолин. – Было бы иллюзией рассчитывать теперь на союз с Францией и, в особенности, на ее политическое значение. Если бы даже новое министерство было хорошо расположено к предложенному ее Императорским Величеством союзу, оно не было бы в состоянии им заняться. В отношении тех дел, которыми мы сейчас заняты, Франция может считаться как бы несуществующей. Не позволяя себе давать советы, я считаю своим долгом говорить, что я вижу. Итак, я говорю, что, если бы даже Франция была хорошо расположена по отношению к нам, она не в состоянии оказать нам никакой услуги, и что союз Франции с Россией следует считать мечтой».

Это донесение, несомненно, свидетельствует о необычайной наблюдательности и прозорливости нашего посланника. Трудно себе представить большую противоположность, чем эти два дипломата: Симолин в Париже и Сегюр в Петербурге, и этот контраст выражается особенно ярко в их оценке революционных событий. Иван Матвеевич Симолин, вышедший из крайне скромной семьи, – он был сыном проповедника в Ревеле, будучи определен в Коллегию иностранных дел, быстро выдвинулся благодаря исключительному трудолюбию и недюжинным способностям. Сменив князя Барятинского на посту русского посланника в Париже, он вел там настолько уединенный и замкнутый образ жизни, что подчас вызывал этим даже недовольствие приезжавших в Париж русских вельмож. «Г. Симолин вел жизнь весьма уединенную, во многих отношениях не соответственную званию российского посланника», – пишет в своих записках граф Евграф Федотович Комаровский, посетивший Париж в 1787 году. В придворных кругах Версаля Симолин не пользовался симпатиями. В особенности королева его не любила и почти никогда с ним не разговаривала. Симолин не поддавался соблазнам либеральной философии и, проживая в центре западной культуры, оставался все таким же стойким бюрократом и убежденным сторонником самодержавия, каким был в петербургских канцеляриях. Не увлекаясь отвлеченными идеями, не мечтая о свободе и равенстве, этот «реальный политик» оценивал события исключительно с точки зрения их пользы или вреда для русских интересов. Рядом с этим граф Сегюр, отпрыск старинного феодального рода, блестящий придворный кавалер, строивший всю свою политическую карьеру на личных, светских успехах при дворе и в обществе, видя, что революция мешает осуществлению той дипломатической комбинации, которой он так добивался, тем не менее, будучи весь во власти либеральных идей, приветствует эту революцию и шлет Лафайету поздравительное письмо. «Поздравляю вас со счастливой революцией, которую вызвали неумелость некоторых министров, тяжесть налогов и раздраженное самолюбие парламентов. Я ее опасался, потому что она погубила бы Францию, если бы почти чудесным стечением обстоятельств не устранились все препятствия, которые должны были вам мешать в ваших действиях». Письмо это было перлюстрировано и достав-

лено Екатерине, которая с возмущением заметила Храповицкому: «Может ли так писать королевский министр?» На это Храповицкий в оправдание Сегюра мог ответить только, что «они (т. е. Сегюр и Лафайет) друзья и были вместе в Америке».

Россия летом 1789 года переживала тяжелое время: одновременное ведение войн со шведами и турками требовало громадного напряжения сил. Отношение Англии и Пруссии к России было явно недоброжелательным. «Мы пруссаков ласкаем, – писала Екатерина Потемкину, – но каково на сердце терпеть их грубости и ругательством наполненные слова и дела». При таких условиях союз с Францией мог бы иметь существенное значение. Известно, что Екатерина сама очень желала заключения этого союза, который, казалось, открывал для русской политики совершенно новые возможности: потому вынужденный отказ от этой мысли явился для нее большим разочарованием. Все казалось подготовленным, но в последнюю минуту революция всему помешала, она временно вывела Францию из строя и таким образом лишила Россию той поддержки, на которую Екатерина имела основание рассчитывать. Этим обстоятельством, между прочим, в значительной мере объясняется то осуждение, вернее сказать, та ненависть, с которой Екатерина относится ко всем проявлениям французского революционного движения. Вполне понятно, что русской императрице, в особенности после недавно пережитых ужасов Пугачевского бунта, не могли не внушать отвращения анархия, грабежи и восстания, сопровождавшие падение старого режима во Франции, но все же со стороны поклонницы энциклопедистов можно было бы ожидать несколько иного отношения к идейной стороне французской революции, не будь именно того факта, что революция в критический момент расстроила все расчеты русской политики. О революции, о деятелях революционного времени Екатерина отзывается в самых резких и презрительных выражениях; революцию она называет «резвущкой» (*l'égrillarde*), Национальное собрание – гидрой с 1200 голов (по числу депутатов). «До сих пор, – пишет она Гримму, – считался достойным виселицы всякий, кто дерзал замышлять гибель государства, а вот целая нация, или, вернее, 1200 депутатов этим занимаются. Если бы из них кое-кого повесить, то, я полагаю, остальные бы одумались. Нужно было бы начать с того, что лишить их тех восемнадцати ливров, которые получает каждый депутат, и тогда эти бедняги вернулись бы каждый к своему ремеслу, чтобы зарабатывать свой хлеб; а затем нужно издать закон, что в собрание не допускается ни один адвокат, ибо это создает стаю ябедников, против которых во всех странах издают законы, и даже очень строгие, а во Франции из этих лающих собачонок сделали законодателей. Эти каналы подобны маркизу Пугачеву, о котором я всегда говорила, что никто более его самого не был убежден, что он изверг».

В связи с этим все симпатии Екатерины склоняются в сторону старого режима, и притом отнюдь не представителей умеренных течений, к которым она, наоборот, относится с нескрываемым презрением, а именно в сторону сторонников полного восстановления абсолютной королевской власти и старых порядков. Идеалом ее является царствование Людовика XIV, когда внешнее могущество Франции достигало высшего предела. «Я надеюсь, – говорит она Сегюру, – что Франция вскоре вновь обретет спокойствие, силу и преобладание. Я уверена, что это последнее будет для меня благоприятным и никогда не будет благоприятным для моих врагов». При данной политической обстановке ей нужна сильная Франция, имеющая большой вес в Европе. В прошлом Франция занимала преобладающее положение в Европе во время расцвета королевского абсолютизма; следовательно, и теперь для восстановления ее прежнего могущества необходимо прежде всего усилить королевскую власть, вернуть ей былой престиж. Поборниками королевского абсолютизма являются эмигранты, по крайней мере, известная группа эмиграции. Уже поэтому, а также и в качестве жертв ненавистной для нее революции, они заслуживают в глазах императрицы поддержки и помощи. Всю совокупность этих условий необходимо иметь в виду при рассмотрении отношения Екатерины II к французской эмиграции.

Портрет Екатерины II. Художник Ф.С. Рокотов

Сегюр, шесть лет безвыездно пробывший в России, в это время возобновил ходатайство об отпуске, который и был ему разрешен. Последние события, несомненно, еще усилили его желание побывать на родине. Речь шла, однако, именно только об отпуске, и он рассчитывал в скором времени вернуться к своему посту. 6 октября он доносит министру иностранных дел: «В воскресенье я имел честь откланяться императрице... ее доброта, ее лестные и прочувственные слова, сожаление, которое она соблаговолила мне высказать, меня глубоко тронули и не могли не вызвать моей благодарности. Она меня оставила, к обеду и много говорила со мной о французских делах». «Если бы я думал, что вижу государыню в последний раз, – пишет он в своих воспоминаниях, – то эта аудиенция, конечно, меня глубоко бы огорчила. Но я уезжал в отпуск и надеялся вернуться к ней через несколько месяцев». Екатерина оказалась в данном случае более прозорливой, чем французский дипломат. Поручив Сегюру передать королю ее лучшие пожелания счастья и благополучия для Франции, императрица милостиво прибавила: «Я сожалею о вашем отъезде, вам бы лучше было оставаться со мною и не ехать навстречу бурям, всю громадность которых вы, быть может, и не предвидите. Ваша склонность к философии и к свободе неизбежно побудит вас поддерживать дело народа; я об этом пожа-

лею, ибо я останусь аристократкой. Это мое ремесло; подумайте об этом, вы найдете Францию в лихорадочном состоянии и очень больной».

11 октября 1789 года Сегюр покинул Петербург, оставив по себе, как при дворе, так и в обществе, самые лучшие воспоминания. «Императрица бесконечно сожалеет об удалении графа Сегюра, – пишет французский поверенный в делах министру иностранных дел несколько дней спустя, – я знаю от лица, принадлежащего к ее интимному кружку, что она часто о нем говорит, отзываясь о нем в самых лестных выражениях». Только в мае 1791 года, когда окончательно выяснилось, что Сегюр больше не вернется в Петербург, состоялось его официальное отозвание. «Я вручил несколько дней тому назад графу Остерману отзывные грамоты г-на де Сегюра», – доносит тот же поверенный в делах 31 мая 1791 г. «При этом случае министр высказался самым лестным образом об этом посланнике. Весь русский двор искренно о нем сожалеет, он пользовался всеобщей любовью. Императрица продолжает относиться к нему с благоволением, а князь Потемкин недавно в присутствии более ста особ поручил мне передать ему, что он глубоко огорчен, не видя его более в России, но что, будь он близко или далеко, он всегда может рассчитывать на его вечную привязанность». Екатерина II, при известии об отозвании Сегюра, желая выказать ему особое внимание, велела переслать ему, кроме обычного для таких случаев подарка, еще кольцо очень большой ценности.

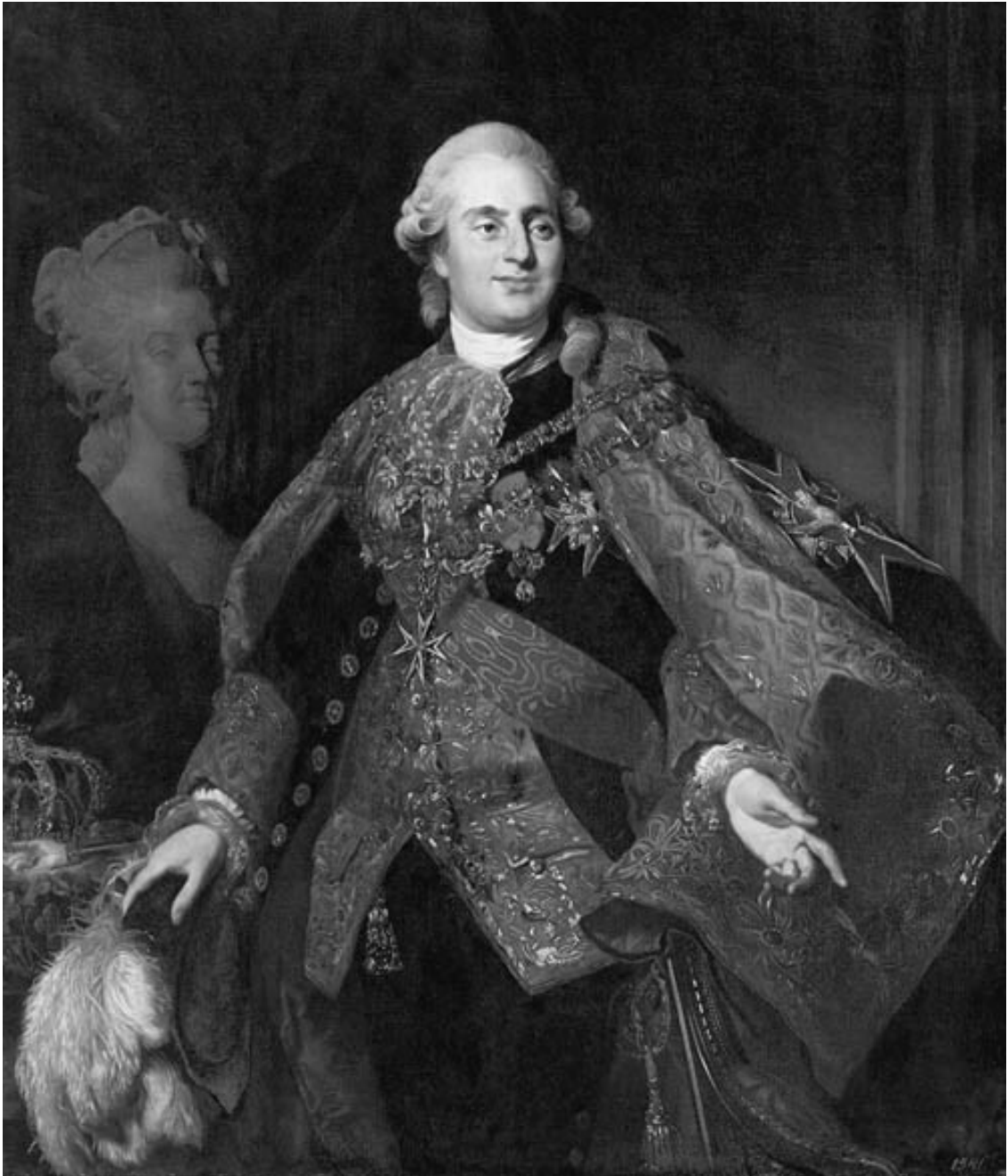

Генерал Бонапарт в Совете пятисот. Художник Ф. Бушо

Предсказания императрицы сбылись. По возвращении во Францию Сегюр вскоре был назначен в Берлин с весьма важным дипломатическим поручением, но потерпел там полную неудачу. Он был свидетелем всех ужасов террора, отец его был заключен в тюрьму, и, хотя самому ему удалось оправдаться в возведенных на него обвинениях, он предпочел скрыться в свое небольшое имение в окрестностях Парижа, где он проживал в очень стесненных обстоятельствах, добывая средства к существованию литературным трудом. Вернувшись к политической жизни после переворота 18 брюмера, он играл блестящую роль при дворе Наполеона I. После реставрации Бурбонов, будучи назначен членом палаты пэров, он примкнул к ее либеральному крылу и умер в 1830 году, приветствуя Июльскую революцию.

Глава I

17 июля 1789 года, [через] три дня после взятия Бастилии, младший брат короля, граф д'Артуа, в сопровождении нескольких близких к нему лиц, снабженный паспортом, выданным Лафайетом, рано утром выехал из Версаля, направляясь к северо-восточной границе.

Людовик XVI. Художник А. Рослин

В последние дни из Парижа в Версаль, где находился двор и где заседало Национальное собрание, приходили известия одно другого тревожнее: столица находилась во власти разбушевавшейся черни, во многих местах происходили грабежи и бесчинства, в саду Пале-Рояль ораторы возбуждали толпу, парижский гарнизон присоединился к восставшим, войска, прибывшие из провинции и сосредоточенные на Марсовом поле, отказывались повиноваться. В

Версале царица полная растерянность. Людовик XVI, добродушный и слабовольный, не знал, на что решиться, и не хотел прибегать к крутым мерам для подавления восстания, желая главным образом избежать кровопролития.

Одним из самых ненавистных для народной толпы лиц был граф д'Артуа; его считали чуть ли не главным виновником разорения страны и, не без основания, видели в нем ярого противника новых порядков. В проскрипционных списках, ходивших по рукам в Париже под названием «списка 242 голов, которые нужно отрубить, чтобы осуществить необходимые реформы», на первом месте стояли имена королевы и графа д'Артуа. Чтобы спасти своего брата, король, после совещания с королевой и со своим старшим братом, графом Прованским, сам приказал ему выехать за границу. Следовало ли ему повиноваться этому приказанию, или же он поступил бы более благородно, если бы он отказался исполнить повеление короля, заявив, что он считает своим долгом в это грозное время оставаться на месте и разделить со своим братом и его семьей грозившие им опасности, на этот счет мнения бытописателей этой эпохи до сих пор расходятся. Во всяком случае, со стороны принца не было сделано никаких возражений. Отъезд состоялся на рассвете, когда весь Версаль еще спал. Все произошло так внезапно, что ничего не успели приготовить: еле удалось собрать триста луидоров, чтобы снабдить принца на дорогу. До ближайших окрестностей города его провожал воинский отряд, дальше он, наоборот, старался проехать по возможности незаметно. В тот же день, но только из осторожности другим путем, уехали оба его малолетних сына, герцоги Ангулемский и Беррийский, под охраной своего гувернера. Встреча была назначена в Валансьене, поблизости от границы, где войсками командовал преданный королевской семье граф Валентин Эстерхази.

Путешествие было совершено благополучно; никто, по-видимому, не узнал путников, никто не обратил на них внимания. Граф д'Артуа прибыл в Валансьен первым. «В ночь с 17-го на 18-е меня разбудили, – рассказывает в своих воспоминаниях граф Эстерхази, – и доложили, что герцог Шиме находится у городских ворот и желает меня видеть. Я приказал ему отворить, но, предполагая, что это кто-либо другой прикрывается его именем, так как мне было известно, что он находится в Италии, я сел на лошадь и поспешил к воротам Нотр-Дам. По дороге я встретил карету, направлявшуюся к почтовой станции. Я к ней подъехал, и каково же было мое изумление, когда, открыв дверцу кареты, я оказался в объятиях графа д'Артуа».

Нужно вспомнить то положение, которое занимали во Франции члены королевской семьи, и то обаяние, которым они были окружены, чтобы понять, как был поражен опытный царедворец Эстерхази, узнав в этом путешественнике, тайком выбирающемся из Франции, родного брата короля, перед которым недавно еще все склонялись и заискивали. Графа д'Артуа сопровождали капитан его гвардии, герцог д'Энед, граф Бодрель, маркиз Полиньяк и конюшенный офицер.

«Все они были очень утомлены. У Бодреля даже была лихорадка, – пишет Эстерхази, – я был уверен в своем гарнизоне, народ был спокоен; я предложил принцу провести день у меня, он согласился...» К утру благополучно прибыли и его сыновья. «Я их уложил спать в своей комнате; они не отдыхали с самого выезда из Версаля. Граф д'Артуа не знал даже, какой путь избрал их гувернер. После пробуждения принца я сообщил ему об их прибытии».

Граф д'Артуа не был, впрочем, особенно удручен событиями, побудившими его бежать из отечества. Он был уверен, что это лишь временная вспышка, которая быстро потухнет, и тогда скоро все восстановится. «Мы вернемся через три месяца», – таково было его заключение. Он вернулся через двадцать пять лет.

В Версале тем временем пришли к заключению, что и некоторым другим лицам, особенно возбудившим против себя общественное мнение, – некоторым придворным, некоторым министрам, – следует немедленно выехать за границу, тем более что их дальнейшее присутствие при дворе могло стать даже опасным для королевской семьи.

Пока в Версале совещаются о том, что же дальше предпринять, туда прибывает старый герцог Конде со своим сыном и внуком.

В своем замке Шантильи, где он жил до сих пор, окруженный почти королевским почетом, он более не чувствует себя в безопасности. Возмущенный слабостью и уступчивостью короля, он умоляет его согласиться на более решительные действия. Он предлагает ему встать во главе войск, повести их на Париж, усмирить мятеж и восстановить там порядок. Он уверен, что войска его помнят и знают и что ему удастся на них повлиять. Король между тем, по его плану, должен был бы удалиться в Мец под охрану полков, оставшихся верными долгу, и оттуда обратиться с воззванием к народу, объявляя, что он сам проведет те реформы, которые сочтет необходимыми.

Яркая фигура этот Конде! «Первый дворянин королевства», глава младшей линии Бурбонов, Луи-Жорж де Бурбон, герцог Конде, прямой потомок «великого Конде», перед памятью которого он благоговееет и которому – не всегда удачно – старается подражать; как полководец он, конечно, не может с ним сравниться, но сам он уверен, что унаследовал военные таланты своего предка. Он единственный военный в королевской семье, и это придает ему особый престиж; ветеран Восьмилетней войны, участник многих сражений, он особенно прославился своей победой над Фердинандом Брауншвейгским, будущим главнокомандующим в войне первой коалиции против революционной Франции. Как генерал-губернатор Бургундии, он показал себя справедливым и заботливым администратором. «Все солдаты любят и уважают герцога, – пишет про него Мирабо, человек совершенно другого лагеря, – но он далеко не только военный, – я поражен ясностью его доводов, меткостью его выражений, логическим ходом его рассуждений». Смелый, вспыльчивый, честолюбивый и обладающий непомерным самомнением, Конде никогда не забывает о своем королевском происхождении и о своих правах на престол в случае прекращения других линий Бурбонской династии. Он любит подчеркивать свою независимость по отношению к королю и в королеве, не стесняясь высказывать свои взгляды и нередко становясь в резкое противоречие к правительству и королевской власти. По своему положению он является как бы главой оппозиции, но оппозиции справа, оппозиции феодальной, враждебной всем нововведениям и отстаивающей привилегии принцев, сословные права дворянства и все исторически сложившиеся особенности старого строя. По своему мировоззрению это рыцарь прежних времен, равно отрицательно относящийся и к новым философским учениям и к изнеженным и легкомысленным нравам версальского двора. В своем Шантийи, окруженный собранными его предками художественными сокровищами, он создал свой собственный двор, где его посещали все приезжавшие во Францию коронованные особы; там у него гостил и император Иосиф II, и цесаревич Павел Петрович, и герцог Брауншвейгский, его бывший противник на поле брани. Во время пресловутого дела об ожерелье королевы Конде, женатый на герцогине Роган-Субиз, решительно встал на сторону кардинала де Вогана и этим раз и навсегда навлек на себя вражду Марии-Антуанетты.

Теперь, когда он явился со своим планом спасения королевства, к нему отнеслись с недоверием. Король и в особенности королева не решились принять его услуг, опасаясь с его стороны каких-либо честолюбивых или даже, быть может, преступных замыслов. Граф Прованский также высказался против отъезда короля и против применения насильственных мер. Увидев, что его предложение отвергается, Конде решил, что ему во Франции больше делать нечего. Если король идет на уступки Национальному собранию, если он предпочитает отдаться в руки врагов монархии, отвергая услуги принцев королевской крови, то «честь повелевает им все покинуть». «Мы не можем более служить делу монархии, оставаясь в стране, – говорит он королю в последнем разговоре, – мы постараемся действовать более плодотворно извне». Склоняясь на его доводы, Людовик XVI, подавленный событиями, дает и ему приказание выехать из пределов Франции. Герцог Конде с семейством и небольшой свитой также направ-

ляется в Валансьен, куда он прибывает на несколько часов позже графа д'Артуа; не останавливаясь, он едет дальше в Бельгию.

Так началась французская эмиграция, начался великий исход, которому суждено было принять столь широкие размеры, затянуться на долгие годы и оказать роковое влияние на весь дальнейший ход событий. Начало эмиграции было положено, таким образом, первыми принцами крови, ближайшими родственниками короля, которые к тому же удалялись из Франции по непосредственному приказанию монарха. Только старший из двух братьев короля, граф Прованский, рассчитывая на свою популярность среди парижан, предпочел пока остаться во Франции. Он эмигрировал значительно позже, в июне 1791 года, одновременно со злополучным бегством королевской семьи в Варенн.

В Валансьене графу д'Артуа нужно было окончательно решить, куда же двинуться дальше. После некоторых колебаний выбор принца остановился на Брюсселе. Там его, однако, ожидало первое разочарование. Австрийскими Нидерландами, столицей которых был Брюссель, управляла в то время сестра императора Иосифа II⁷, эрцгерцогиня Мария-Христина. Первоначально она встретила графа д'Артуа с обычными почестями; однако император, получив ее донесение о прибытии принца, поручил ей, в предупреждение возможных осложнений с французским правительством, предложить графу д'Артуа и всей его свите немедленно покинуть Бельгию.

Получив это известие, граф д'Артуа решил прибегнуть к гостеприимству своего тестя – Виктора-Амедея III, короля Пьемонта и Сардинии⁸, и в ожидании его ответа небольшими этапами через Германию направился в Швейцарию.

Ответа пришлось ждать довольно долго. В Турине обращение принца вызвало некоторое замешательство. Старый король, зная беспокойный нрав своего зятя и опасаясь, как бы его пребывание при пьемонтском дворе не повело к ухудшению отношений с Францией, которыми Пьемонт очень дорожил, постарался сперва отклонить предложенную ему честь. Он попросил свою дочь повлиять на мужа, чтобы он избрал другую резиденцию. Ввиду неуспеха этой попытки вопрос был представлен на обсуждение министров; все единогласно высказались в том смысле, что в силу родственных связей⁹ король не может отказать в гостеприимстве графу д'Артуа и состоящим при нем лицам. Доводы министров казались убедительными, но, прежде чем отвечать принцу, осторожный король счел нужным заручиться согласием Людовика XVI, а также негласно узнать, как отнесется к подобному шагу Национальное собрание. Лишь после этого было послано приглашение, обставленное к тому же двумя условиями: чтобы принц со своей семьей и свитой жил инкогнито вне столицы и чтобы он не устраивал никаких заговоров на территории Пьемонта. Граф д'Артуа не затруднился дать требуемые от него обещания и поспешил выехать в Турин. Новые затруднения возникли в связи с маршрутом; ввиду явно недружелюбного отношения некоторых стран, пришлось избрать кружной путь через Тироль; все же в Милане, в опере, принц не избег неприязненной демонстрации публики, вызванной, по-видимому, надменным поведением его свиты. Словом, с первых же шагов эмигрантской жизни граф д'Артуа мог убедиться, что нигде он не является особенно желанным гостем и что даже при родственных дворах к принцу-эмигранту относятся с известным опасением. Но эти первые уроки прошли для легкомысленного принца совершенно даром. Впрочем, когда он прибыл в Турин, то ему был оказан вполне радушный прием, обставленный к тому же подобающей пышностью.

⁷ И следовательно, сестра королевы Марии-Антуанетты.

⁸ Братья Людовика XVI, Луи-Ксавье, граф Прованский (будущий Людовик XVIII), и Карл, граф д'Артуа (будущий Карл X), были женаты на родных сестрах, дочерях Виктора Амедея III. Браки эти не были счастливыми: обе принцессы, некрасивые и неинтересные, играли довольно бледную и малозаметную роль как при версальском дворе, так и в эмиграции.

⁹ Помимо браков графа Прованского и графа д'Артуа, между французским и савойским дворами существовала еще и другая родственная связь: сын короля, герцог Пьемонтский, был женат на родной сестре Людовика XVI принцессе Клотильде.

Вскоре там к нему присоединились его супруга, временно оставшаяся в Париже; туда же прибыл герцог Конде, с сыном, дочерью и внуком, а вслед за ними стали приезжать из Франции и многие другие. Постепенно там образовался целый кружок знатнейших французских семей. И граф д'Артуа, и герцог Конде, имели каждый как бы свой двор: в свите графа д'Артуа состояло 82 лица, при герцоге Конде – 45 лиц. Таким образом, Турин стал первым центром французской эмиграции.

Поток эмиграции с течением времени усиливался. Жизнь высших классов во Франции становилась действительно нестерпимой. «Никогда еще более богатая добыча не была предложена победителям: сорок тысяч дворцов и замков – две пятых богатств Франции – будут наградой доблести», – провозгласил 12 июля в саду Пале-Рояля новый кумир парижской толпы, 20-летний Камиль Дюмулен. И «доблесть» не заставила себя ждать. Из Парижа волна грабежей и погромов разлилась по всей Франции. Подстрекаемые агитаторами, выставившими лозунг «война замкам», возбуждаемые самыми нелепыми слухами, охваченные стихийным страхом, толпы крестьян, к которым присоединялись шайки разного преступного сброда, разбойников и бродяг, бросились поджигать и грабить усадьбы и замки, монастыри и аббатства. Грабежи сопровождалась иногда зверскими убийствами, издевательствами, мучениями. Местные власти, не получая из столицы ни поддержки, ни определенных указаний, растерялись и не смели, а во многих случаях и не могли, противодействовать бесчинствам, преследовать и наказывать виновных. «Подобно потоку, не сдерживаемому никакими заграждениями, – пишет один из современных наблюдателей, – революция, не встречая никаких преград, сметала на своем пути и старинные власти, и вековые учреждения». На войска нельзя было полагаться: дисциплина была совершенно расшатана. Во многих частях солдаты бунтовали, расхищали полковые кассы, преследовали и избивали своих офицеров.

Луи-Жорж де Бурбон, герцог Конде. Художник А.Ф. Каминад

В этот первый период революции мелкое поместное дворянство преимущественно ищет убежища в ближайших провинциальных городах, высшая знать эмигрирует за границу. При этом особенно грозные вспышки революционного движения во Франции немедленно вызывают усиление эмиграции. Так, поток эмигрантов сразу же расширяется после октябрьских дней, когда ворвавшаяся в Версальский дворец толпа заставила короля и королевскую семью

переселиться в Париж. После разгрома парижской черню отеля де Кастри¹⁰ из Парижа сразу уезжают за границу более 100 человек. «Дороги в Швейцарию и в Савойю запружены беженцами. В города прибывают целые вереницы карет, гербы которых исчезают под слоем пыли и грязи... Местные жители стоят у окон и порогов домов, наблюдая за их проездом. Большинство внушает мало симпатии. Они шумны и веселы».

Да, они уезжали весело, несмотря на все пережитые ужасы. Они были веселы и беспечны, в уверенности, что во Франции скоро восстановится порядок, прежний порядок, и что им можно будет вернуться и продолжать прежнюю жизнь. Недаром некоторые французские историки этот первый период эмиграции так и называют «веселой эмиграцией» (*l'émigration joyeuse*). Большинство эмигрантов считали точно так же, как и граф д'Артуа, что изгнание не может продолжаться дольше нескольких месяцев, и даже склонны были смотреть на эмиграцию, почти как на интересную поездку, прерывающую однообразное течение обыденной жизни. Поэтому они мало заботились о средствах, считая, что небольшой суммы хватит на тот короткий срок, который придется провести за границей, и не думали об устройстве своих дел и обеспечении судьбы своего имущества, оставляемого во Франции.

Первое время в эмиграции жили беззаботно. На водах в Спа, где поселилась между прочим блестящая княгиня де Ламбаль, друг Марии-Антуанеты, и несколько других дам высшего общества, эмигранты, по словам современников, танцуют с увлечением, в то время как во Франции грабят и жгут их замки. В Брюсселе жены эмигрантов появляются в парке в изящных туалетах; балы и ужины заполняют вечера. «Брюссель, – пишет в своих мемуарах Шатобриан, – был главной квартирой эмиграции высшего полета: самые элегантные женщины Парижа, самые модные мужчины, из таких, которые в походе могли бы быть только адъютантами, ожидали среди удовольствий момента победы. У них были новенькие, изящные мундиры, в которых они красовались с полным легкомыслием. Значительные суммы, на которые можно было бы существовать несколько лет, они проедали в несколько дней, да и стоило ли экономить, если в ближайшем будущем предстояло вернуться в Париж». В своих воспоминаниях об эмиграции барон Гюилерми рассказывает, что в сентябре 1790 года маркиз де Фурнес, один из агентов по вербовке добровольцев для армии принцев, уверял его, что если он захватит с собою то, что нужно, чтобы прожить в течение трех месяцев, этого будет более чем достаточно.

В Турине придворные приемы, балы, обеды следовали один за другим; в честь приезжих гостей устраивались охоты, загородные прогулки. Старый король, поддавшись обаянию своего зятя, быстро забыл про обещания, которые он у него вынул. Графу д'Артуа был предоставлен один из лучших дворцов в Турине, а другой дворец, по соседству от первого, был нанят герцогом Конде. Что касается заговоров, то король не только смотрел сквозь пальцы на политические интриги эмигрантов, но постепенно сам был в них втянут и даже стал оказывать покровительство их попыткам борьбы с революцией.

Первоначально эмигранты руководствовались главным образом заботой о своей безопасности, однако уже вскоре по прибытии в Турин у принцев и среди окружавших их лиц, под влиянием известий об ужасах революционного движения, является мысль о возмездии, о борьбе с революцией и насильственном ниспровержении нового строя. Все надеялись, что с восстанием можно будет быстро справиться, но в отношении средств для достижения этой цели единодушия не было, и сразу же наметилось два течения: одни считали необходимым обратиться к содействию иностранных держав в расчете на чувство солидарности, связывающее всех монархов; другие опасались, что вмешательство иностранных войск, вместо того чтобы привлечь всех «истинных французов», только возбудит нацию против поборников монархии. Один из самых близких к графу д'Артуа лиц, граф де Бодрель, писал ему из Венеции: «Всякое постороннее вмешательство будет лишь способствовать объединению всей нации и усилению

¹⁰ В настоящее время рю де Варенн, 72.

того стремления к свободе, той любви к независимости, которые уже и так получили слишком широкое распространение от одного края королевства до другого. Кроме того, я прихожу в ужас при мысли об опасности, которой подверглись бы король и королевская семья, плененные в своей столице, в случае вмешательства иностранцев в наши внутренние дела». Сторонники этих взглядов полагали, что нужно главным образом вызвать восстание в тех французских провинциях, в которых замечается неудовольствие Национальным собранием и введенными им новыми порядками.

Во всяком случае, было ясно, что, какой бы путь ни избрать, необходимо прежде всего располагать известной реальной военной силой. Поэтому решено было воздействовать на французское дворянство, убеждая его эмигрировать, чтобы за границей создать отряды, которые могли бы быть использованы для подавления революции. В Париже от имени Конде действовали в этом направлении специальные агенты. Но первоначально эти призывы большого успеха не имели: явилось лишь около сотни добровольцев. Ввиду невозможности сейчас же воспользоваться их услугами их пришлось разместить по окрестностям Турина, и они, таким образом, только увеличили собой число праздных эмигрантов. Лишь впоследствии значительно усилился приток лиц, желавших стать под знамена принцев. В июле 1790 года Конде, который особенно увлекался мыслью о походе во Францию для спасения короля и восстановления королевской пласта, мечтая «сыграть крупную роль, достойную его мужества, его военной репутации и его имени», обнародовал воззвание, в котором он открыто заявлял о целях, преследуемых эмигрировавшими принцами. «Год тому назад я покинул свою родину, – говорится в этом воззвании, – и должен перед глазами Европы изложить мотивы, заставившие меня уехать. Французский народ введен в заблуждение мятежниками; но он раскроет глаза, этот добрый народ, и будет краснеть при мысли о преступлениях, совершенных им под влиянием козней и честолюбия его главарей. Собственными руками он восстановит престол своих королей, или я буду похоронен под развалинами монархии. Дворянство священо. Я защищаю дело всех монархов, всех дворян; они объединятся под славным знаменем, которое я разверну перед ними. Да, несмотря на ужас, который естественно должна внушить потомку Людовика Святого мысль обогреть свой меч французской кровью, я пойду во главе дворянства всех наций, а за мною пойдут все подданные, верные своему королю, которые объединятся под нашими знаменами. Я пойду сделать попытку освободить этого несчастного монарха». Красноречие этого воззвания, по-видимому, понравилось королеве, но более осторожные сторонники монархии нашли это выступление несвоевременным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.